

Малкова Наталья Юрьевна

Дальневосточный федеральный университет
Владивосток. Россия

Места формирования «социальных автоматизмов» как условие безопасного города

Рассматривается взаимосвязь между дисциплинарной практикой тела и представлениями о человеке. Освоение символических структур предстает как предопределенность, принудительность, вписываемые в тело. Так, безопасность публичного пространства города во многом обусловлена «социальными автоматизмами».

Ключевые слова и словосочетания: город, габитус, публичное пространство, тело, частная жизнь.

Пространство города – это пространство, оформленное не столько географически, сколько знаково, причем это знаковое, символическое вписанное, прежде всего, в тело человека. Город – дисциплинарное пространство. Быть горожанином – это значит прилагать целый ряд усилий, направленных на умение в публичном городском пространстве взаимодействовать с другим на уровне компромисса, без личного участия, так как от этого во многом зависит безопасность.

Именно безопасность публичного пространства западных городов привлекает россиян. Причем надо отдавать себе отчет в том, что так привлекающая нас безопасность зависит не только от наличия на каждом углу полиции. Она во многом основана на спонтанном порядке и различных механизмах саморегулирования, способности взять на себя ответственность, что мы сегодня можем наблюдать во многих российских крупных городах, например, в Москве, Томске. Во Владивостоке примером такого движения может считаться общественная организация «Патриот Приморья».

Кроме того, многие ранее престижные формы потребления, благодаря удешевлению, становятся доступны большинству. Доступ к статусным прежде вещам выявляет, по сути, целый ряд проблем, связанных с необходимостью освоить их символическое содержание, без чего человек рискует обнаружить свою личностную несостоятельность.

Любое предметное обладание приводит к вторичному эффекту – необходимости овладения совокупностью знаков и дискурсов, или культурой. Необходимость вторичной формы является гарантом безопасности.

В основе любой общественной солидарности будут всегда лежать социальные практики и способы решения практических задач, оформленные знаково-символически.

Например, покупка автомобиля требует не только умения им управлять, но определенным образом дисциплинировать свое тело, владеть символическим набором правил поведения на дороге, с другими водителями, пассажирами и пешеходами.

В данном случае стоит обратить внимание на еще один немаловажный аспект. Любое культурное явление в одинаковой степени субстратно материально и одновременно духовно, то есть несет в своих формах, чертах, смыслах и содержаниях «определенную символическую информацию» [12. С. 134], иначе, возникшая идея (символическая форма) всегда будет иметь материальное воплощение. Так, например, усвоенное человеком правило, форма поведения, всегда будет надстроено над телом или, согласно Л. Уайту, носить экстрасоматический характер, но одновременно быть вписанным в него.

Таким образом, обращение к образу действия и чувствования всегда приведет нас к живому человеку, состоящему из плоти и крови, а именно к его телу. Наше тело меняется вместе с материальными условиями: устройством жилищ, способами обмена и изготовлением предметов, задающими различные модальности чувственного восприятия. Его существование не ограничивается непосредственной оболочкой. «Представление о нем включает в себя наиболее характерные референции, чьи «субъективные» логики варьируются в зависимости от эпохи и культуры разных сообществ» [10. С. 6]. Работа с природной вседозволенностью всегда будет включать в себя определенные техники работы с телом через вписывание определенных моделей поведения или формирование определенного габитуса.

Современная Россия в очередной раз столкнулась с внешними вызовами, согласно которым востребована социальная группа, «заточенная» на определенные символические формы, зафиксированные в определенных стилях поведения, образе жизни, что связано с «мобильным поворотом» – новым способом экономических, социальных и политических отношений [13. С. 77]. Привычное для России поведение сингулярности просто перестает «работать» в новых условиях [7]. Сегодня востребована другая установка, которую можно определить как ориентацию на партнерство. Она предполагает: более высокий уровень образования, знание языков, владение технологиями, включенность в современный мир, готовность к солидарности, позитивное отношение к людям; вера в то, что можно что-то сделать; вера в свой успех наряду с лояльным отношением к чужому успеху; чувство самооценности и уважение к себе «других», сочетающееся с установкой на партнерство и сотрудничество наряду с отсутствием сакрализации власти [6].

Способность господствовать в присвоенном пространстве осуществляется за счет присвоения символических благ, которые в нем располагаются. Такого рода присвоение обозначается словом капитал [8. С. 45].

В настоящее время различаются следующие виды капиталов: подвижности, экономической, социальной и культурной [13. С. 123].

В данном случае нас интересует в большей степени культурный капитал. Под ним мы понимаем знание и культурные ценности, способность к той или иной деятельности, полученные индивидом в течение жизни. Так, для того чтобы занять место в той или иной социальной группе, необходимо не только владеть суммой знаний, уметь пользоваться соответствующей терминологией, но и знать определенные способы поведения в определенной среде.

Сумма капиталов, которыми в течение жизни овладевает человек, инкорпорирована в его тело. Инкорпорированную социальность, вслед за Н. Элиасом и П. Бурдьё, определяют как габитус. Габитус – предопределенность, принудительность, необходимость, вписанные в тело. Он будет иметь следующие детерминанты:

- культурный капитал;
- позиция в отношениях производства (например, определенная через профессию или род занятий);
- тип социальной связи, в которую включен человек;
- история группы, к которой принадлежит индивид;
- индивидуальная история (биография) [8. С. 50].

Необходимость вписать в тело россиянина определенные культурные стили поведения, по сути, представляет собой процесс цивилизации, который нам необходимо «до-осуществить», сформировав для большинства определенные границы тела.

В современных исторических исследованиях повседневной жизни применяется термин «приватизация жизни». Им обозначают долгий и многомерный процесс изменения повседневного обихода и человеческих отношений, благодаря которому в Западной Европе сформировался современный индивид как обособленная социальная единица. Этот процесс включал изменение всех аспектов повседневной жизни людей и социальной дистанции между ними, сопровождался появлением оппозиций, а затем изменением конфигурации таких понятий, как «общественное — частное», «внешнее — внутреннее», «открытое — скрытое» [14].

Внешне это может выражаться в физическом, пространственном единении и обособлении, в выстраивании дистанции между собой и другими телами. Примером внешнего знака, выражающего некую глубинную сущность, может служить наблюдение северо-американских этнографов, проведенное на океанских прибрежных пляжах. «Белые американцы англосаксонского происхождения стелили свои циновки и коврики на вполне определенном расстоянии друг от друга. Не было никаких негласных правил, по которым можно было соблюдать дистанцию – она соблюдалась инстинктивно. Никто не толкал соседа. Если было тесно, люди просто уходили на другое место.

Рядом на тех же пляжах лежали пуэрториканцы и другие представители неанглосаксонского населения США – и расстояние между этими загорающими было гораздо меньшим. Тут, очевидно, сказалась – совершенно бессознательно – совсем другая традиция отношения к своему телу и к тому языку, которым тело себя выражает» [4. С. 228].

Уединение (*privacy*) – органическая потребность человека какое-то время оставаться наедине с собой, куда другой не должен вторгаться [Там же]. Физическое, пространственное уединение и обособление – внешнее поведение человека (или «социальные автоматизмы»), которое дает нам представление о том, как он осознает себя изнутри. Так, например, благодаря уединению появляется частная жизнь.

Частная жизнь (*le privé*) многими расценивается как некие блага, подпадающие под действие исторически сформировавшихся законов о собственности, но наряду с этим она еще будет включать в себя несравненно большее: сфера частной жизни составляет условие внутренней жизни [1. С. 123].

Аналогичные западному процессу цивилизации тенденции – универсальные прагматические аспекты культуры, связанные с повседневным общественным порядком – в России наметились с конца 30-х годов XX в. как результат урбанизации общества, но из-за угрозы мировой войны и начавшейся военной мобилизации, они так и не получили своего завершения. Политика культурности представляла собой «мягкий» инструмент дисциплинирования новых горожан, формирования габитуса, соответствующего культурным образцам городского образа жизни.

«*Стать культурным* – один из главных императивов 1930-х годов, но не в области *большой* государственной политики, а в сфере обыденной повседневной жизни» [3. С. 203]. «Культурность», в данном случае, – это то, что имеет оттенок личного достижения, предстает как массовая культурная политика, превращенная в императив работы над собой [Там же]. Работа над собой начинается с овладения внешними формами поведения через наблюдение, мимесис (подражание), например, моды и внешнего вида, личной гигиены, вещей и символов частной жизни, разговорной речи, а также чтения и культурного горизонта.

Так, в журнале «Знание – сила» в 1996 г. были опубликованы следующие фрагменты дневника молодого человека, сына высланного кулака, родом с Украины, который хотел закрепиться в Москве: «Сильно наблюдаю за людьми. Наблюдаю за поведением ребят, мне равных. Как они ведут себя в подобных случаях. Учусь копировать манеры... Все это нечеловечески трудно, убивает мою силу. В то же время заставляет меняться, быть профессионально осторожным, наблюдательным». «Какое громадное значение имеет обстановка, в которой находишься, люди, среди которых вращаешься. Заимел хороший костюм. На днях купил плащ. Одет культурно, чисто и сам в смысле чистоты аккуратен... Прорыв громадный в материальной стороне.

Это прорыв, куда надо бросить все силы, всю энергию, пока не поздно, а то времени осталось совсем немного». «... Купил себе мандолину. Вторая вещь, которую я купил за свои собственные деньги, добытые трудом. Первая вещь были часы, купленные в июне 1932 г., отпуск погулял с ними с форсом. Ну, пора спать. Зачитался газетами. Сегодня интересный доклад Мануильского на XII пленуме ИККИ» [9].

Итак, город – это, прежде всего, дисциплинарное пространство. Для его успешного функционирования необходимо действие двух сил: с одной стороны, пространство власти, с другой – процесс саморегулирования и самоорганизации, безопасное будет формироваться на границе действия этих сил. К пространствам, формирующим габитус горожанина, можно отнести:

- фирму, предприятие, университет – это пространства, дисциплинирующие тело. Большое значение здесь будет иметь корпоративный кодекс как система, работающая с ценностями, транслируемыми через систему ритуалов;

- такие публичные пространства, как кафе, концертные залы, филармонии, театр, выставочные и торговые центры, общественный транспорт, медицинские центры, организованные в соответствии с набором правил, которые позволяют встроиться в систему. В случае несоответствия есть риск быть исключенным;

- общественные движения, которые позволяют обращаться к повседневной жизни горожан и формировать спонтанный порядок.

1. Барт, Р. *Camera lucida*. Комментарий к фотографии / Р. Барт. – М.: ООО «Ад Маргинем Пресс», 2013. – 192 с.

2. Бродель, Ф. История и общественные науки. Историческая деятельность / Ф. Бродель // *Философия и методология истории*. – М., 1977. – С. 118–142.

3. Волкова, В.В. Концепция культурности, 1935–1958 годы: советская цивилизация и повседневность сталинского времени / В.В. Волкова // *Социологический журнал*. – 1996. – № 1–2. – С. 194–213.

4. Гуревич, А.Я. Культура Средневековья и историк XX в. / А.Я. Гуревич // *История мировой культуры: Наследие Запада: античность. Средневековье. Возрождение: курс лекций* / под ред. С.Д. Серебряного. – М.: Российск. гос. гум. ун-т, 1998. – С. 210–318.

5. Джекобс, Д. *Смерть и жизнь больших американских городов* / Д. Джекобс; пер. с англ. – М.: Новое издательство, 2011. – 460 с.

6. Дубин, Б. У людей есть запас солидарности. О «России терпения» и «России партнерства» [Электронный ресурс] / Б. Дубин. Режим доступа <http://www.levada.ru//07-08-2012>

7. Кирсанова, Л.И. Антропологическая прогулка по улицам города: ритмы города и сингулярности (на примере г. Владивостока) / Л.И. Кирсанова, Н.Ю. Малкова // *Территория новых возможностей*. Вестник Владивостокского

государственного университета экономики и сервиса. – 2012. – № 3 (16). – С. 185–193.

8. Козлова, Н.Н. Социально-историческая антропология / Н.Н. Козлова, 1998. – С. 192.

9. Козлова, Н.Н. Послание из прошлого / Н.Н. Козлова // Знание – сила. – 1996. – №7, 8.

10. Корбен, А. Предисловие // История тела: в 3 т. / под ред. А. Корбен, Ж-Ж. Куртин, Ж. Вигарелло. Т. I: От Ренессанса до эпохи Просвещения / пер. с фр. М.С. Неклюдовой, А.В. Стоговой. – М.: Новое литературное обозрение, 2012. – 480 с.

11. Нильсен, Ф.С. Глаз бури / Ф.С. Нильсен; пер. с норв. А. Ливановой и Е. Прохоровой. – СПб.: Алетейя, 2004.

12. Флиер, А.Я. Культурология для культурологов / А.Я. Флиер. – М.: Академический проект, 2000.

13. Урри, Дж. Мобильности / Дж. Урри; пер. с англ. А.В. Лазарева; вступ. ст. Н.А. Харламова. – М.: Издательская и консалтинговая группа «Праксис», 2012.

14. Элиас, Н. О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования / Н. Элиас. Т. I. Изменение в поведении высшего слоя мирян в странах Запада. – М.; СПб.: Университетская книга, 2001. – 332 с.